

А. И. Прокофьев

Празднование 300-летия Переяславской рады в 1954 г.: дискурсы исторической памяти о начале Тринадцатилетней войны 1654–1667 гг.

В 1939 г. в состав УССР и БССР были включены восточные воеводства Польши (Западная Украина и Западная Белоруссия). Историки, в лице В. И. Пичеты и И. Ф. Лочмеля, проработали государственный заказ на цельное изложение истории борьбы украинского и белорусского народов «против панской Польши». Освещая занятие этих территорий, они использовали два понятия: «воссоединение» и «присоединение»¹. В четырехтомном «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова представлена дефиниция этих понятий (в первом и третьем томах). В этом словаре объяснительная модель строится через политический язык. «Воссоединение, я, ср. (книжн.). Соединение вновь, присоединение отторгнутого. *В. Эльзаса с Францией после мировой войны 1914–1918 гг.* (в примерах курсив не наш. — А. П.)»². Иное понимание языковой единицы не предполагалось. Аналогичная ситуация сложилась и с близкородственным по смыслу «присоединением»: «Присоединение, я, мн. нет, ср. 1. Действие по глаг. присоединить-присоединять. *Насильственное присоединение Австрии к Германии означает грубо-империалистический захват чужой территории.* История ВКП(б). 2. Действие по глаг. присоединиться-присоединяться»³.

События недавнего прошлого послужили иллюстративными примерами при разъяснении. В первом случае указан стилистически нейтральный пример.

Во втором отражается идеологическое видение, где стилистическая характеристика слова явно окрашена.

Наглядная композиция в издании «История СССР. Альбом наглядных пособий» объединила текстовые и визуальные компоненты. Позицию партии авторы представили в текстовом виде⁴, где «присоединение» объяснялось так: «...перед Украиной стояла тогда альтернатива — либо быть поглощенной панской Польшей и султанской Турцией, либо перейти под власть России... вторая перспектива была все же *наименьшим злом* (курсив наш. — А. П.)»⁵.

Визуальный образ выражен картиной А. Д. Кившенко «Переяславская рада» (1880 г.)⁶. Торжественность Рады не зафиксирована: на переднем плане картины изображена казацкая масса в запорожской одежде, в основном с задумчивостью на лицах; ликования и широких проявлений радости не видно. Психологизм произведения определяется сфокусированностью на выражении казацких лиц. Ведущая линия, сопровождающая к середине картины (ее размер 33×44 см), проходит по шапкам казаков. В центре стоят на возу В. В. Бутурлин и Б. М. Хмельницкий; они представляют обе стороны — царя Алексея Михайловича и казацкой старшины. Слева от них располагаются символы власти: знамена, бунчук. Женщина, стоящая на переднем плане справа от царского посла и гетмана, сложила руки у груди, внимательно и настороженно слушает главных персонажей. На заднем плане видны казаки и Успенский собор Переяславля. Закономерно признать «Переяславскую раду» произведением в жанре исторического реализма («ярмарочного» типа, похожего на картины П. П. Верещагина и А. М. Васнецова). Патетического настроения в произведении нет⁷.

Методологический аспект

Сплав прошлого с настоящим побуждает обратиться к проблеме исторической культуры. В поисках понятий, согласованных в историческом сообществе с их дефиницией, прибегнем к терминологическому словарю «Теория и методология исторической науки», к целому спектру понятий, помогающих описать единицы дискурса. Начнем с исторической культуры, закладывающей коммеморативное пространство 300-летия Переяславской рады: «Понятие, отражающее различные формы отношения человеческих групп к прошлому, в том числе и к тому прошлому, которое они признают своим собственным»⁸. Материализация исторической культуры передана торжественным празднованием 300-летия. Это — место памяти: «Места памяти — феномены, находящиеся в коллективной памяти, формирующие идентичность группы и служащие основой коллективного самоопределения»⁹.

Актеры места памяти наделены историческим сознанием: «Совокупность представлений, присущих обществу в целом и составляющим его сегментам в отдельности, о своем прошлом и прошлом всего человечества. <...> Историческому сознанию присуще активное деятельное начало, направленное

на преобразование исторической действительности. В этом его отличие от исторического познания, акцентирующего относительность исторической истины. Оно базируется на непреложных идейно-нравственных основаниях»¹⁰.

Языковое выражение исторического сознания есть дискурс (берется одно из трех предложенных объяснений): «Сложная совокупность языковых практик, участвующих в формировании представлений, навязываемых внешней по отношению к дискурсу предметности в форме “власть / знание”, указывающей на то, каким образом люди оказываются в плену регулирующих рамок конкретных дискурсов»¹¹. Методологический инструмент — дискурсивный анализ, раскрывающий их образование и функционирование: «В историческом исследовании Д. а. — это метод интерпретации текстов исторических источников, включающий выявление дискурсов внутри одного источника на основе выделения общей темы, терминологии, места в смысловом поле; классификацию групп высказываний (дискурсов) внутри одного текста и их описание; исследование взаимоотношений между этими группами внутри текста и их связей с дискурсами в других исторических источниках; интерпретацию взаимосвязей различных значений дискурса и конкретных символов в текстах, их эволюции в течение определенного исторического периода»¹².

Общая оптика дискурсивного анализа базируется на семиотическом подходе: «Семиотика истории направлена на перевод символов и кодов прошлого в современную знаковую систему и расшифровку на этой основе смысла источника»¹³. Полезным нам усматривается рассуждение Ю. М. Лотмана о ядре и периферии в семиосфере¹⁴; механизме взаимоперемещения структурного ядра / периферии (Ю. Лотман здесь говорит о Ю. Н. Тынянове)¹⁵.

300-летие Переяславской рады стало местом памяти, спроектированным исторической культурой юбилея. Все культурные и научные артефакты¹⁶, сотворенные акторами исторического сознания, образовывали семиосферу с дискурсивным вектором «воссоединения». Ее художественные, научные, идеологические элементы и автономны, и взаимопереплетены.

Язык культурных артефактов о торжествах 1954 г.

Подготавливаемые к 300-летию артефакты не уникальны для середины XX в. 1903 г. отмечен придворным балом-маскарадом в Зимнем дворце, который в силу (вос)создаваемого исторического антуража, костюмов и выписанных предметов-подлинников стал памятником визуальной знаковой системы. Спустя десять лет Российская империя отмечала 300-летие дома Романовых¹⁷. Сравнительная параллель допускает помещение Переяславской рады в качестве структурного ядра в обе семиосферы: и имперской, и советской историографии. В памятных датах (1913 и 1954 г.) происходит резкое, но ожидаемое увеличение культурных и научных артефактов; взаимоперемещение ядра (Переяславской рады) с интерпретациями настоящего (коммеморация посред-

ством проводимого государственного торжества 1954 г.¹⁸; изданий, приуроченных к датам: 1912–1913 гг. (о династии Романовых), сборник документов в 1953 г., брошюр и статей в 1954 г.).

Украинский советский живописец М. Хмелько написал масштабную работу на торжественный мотив Переяславской рады «Навеки с Россией, навеки с русским народом» (1951 г.)¹⁹. Художник, как и А. Кившенко, был свободен в собственной интерпретации Рады. Выразительность картины способна подчеркнуть государственный заказ о «воссоединении» Войска Запорожского с Московским государством. Так ли это? В отличие от А. Кившенко, где композиция сконцентрирована на двух фигурах, у М. Хмелько главную роль играет настроение массы (полотно размером 280×551 см). Поднятые сабли на переднем и заднем планах, подброшенные шапки, одинаково радостные лица — пафосное и красочное настроение сильно акцентировано. Связь прошлого, настоящего и будущего явлена фигурами поколений (старик-бандурист с ребенком, казаки среднего возраста). Украинский художник изобразил в нижнем правом углу женщин, прислушивающихся к речам; задумчивое лицо казака, — стоящего по правое плечо бандуриста, единственное не выразило всеобщего ликования. По сравнению с А. Кившенко образ «Украины» в деталях фигурировал по-разному: коллективно / персонифицированно. Ведущих линий две: первая — «красная дорожка», высланная на выходе из Успенского собора; вторая — справа по головам казаков. Рядом с Б. Хмельницким зачитывают царскую грамоту. Изображение Рады по картине А. Кившенко объективно меркнет перед трактовкой М. Хмелько, выполненной в духе соцреализма.

Кинохроника торжеств запечатлела проходившее празднество. Официозный киножурнал «Новости дня» за 23 мая 1954 г. сообщал советскому зрителю о том, как отметили в Киеве и Москве 300-летие²⁰. Хронометраж государственно-идеологического, социального и исторического дискурсов сложился не в пользу последнего: ему отводилось всего немногим больше полу-минуты из 9 минут (00:07:22–00:07:58). Сцена встречи, разыгранная в ЦПКиО им. Горького в Москве, демонстрирует встречу Б. Хмельницкого с царскими посланцами.

Отсюда проистекает гипотеза о второстепенности непосредственно исторического начала перед государственно-идеологическим, которая отмечена А. Махныревым относительно психологии и педагогики. Стоит процитировать ее полностью: «Важно отметить, что министр народного просвещения и президент Академии педагогических наук РСФСР И. А. Каиров еще на совещании по подготовке к празднованию юбилея в Совете Министров РСФСР заявил о необходимости пересмотреть в преподавании истории формулировку названия произошедшего в 1654 г. исторического события. Он потребовал называть его повсеместно “воссоединением”, а не так, как “до сих пор... говорилось” о “присоединении” Украины к России»²¹. Историческая наука поступила иначе, нежели педагогическая? Переходим к анализу научных артефактов.

Источник превыше всего, или Зачем «воссоединяли» Украину в документах?

1953 г. ознаменовался выходом трехтомного сборника документов и материалов «Воссоединение Украины с Россией». Авторский коллектив представлен широко: редакционная коллегия (Л. В. Черепнин, А. Л. Сидоров, А. А. Новосельский, А. К. Касименко, П. П. Гудзенко, Ф. П. Шевченко), составители томов; помимо этого, переводчики и сверщики документов²². Работа в ЦГАДА (ныне — РГАДА) проделана объемная: указывается характеристика привлекаемых актовых материалов, отмечены источники комплектования сборника. Заявляемая основная задача: «...выявить и опубликовать наиболее характерные документы об экономических, политических и культурных связях Украины с Россией накануне и в период освободительной борьбы украинского народа против польской шляхты и материалы о всесторонней помощи русского народа украинскому народу в его борьбе против иноземных захватчиков»²³.

До исполнения этой задачи требовалось ввести читателя в курс дела с целью (ре)конструкции перед ним социально-экономических, политических и культурных условий для освободительной войны Войска Запорожского с Речью Посполитой в 1648–1653 гг.

Историографический обзор в сборнике документов выполнен абсолютно избирательно, без показа общей динамики и специфики изучаемой области. При ситуации, когда критикуется «буржуазный национализм» в лице М. С. Грушевского и его последователей, используется сентенция «советская историческая наука разоблачила и опровергла все эти *антинаучные буржуазно-националистические извращения* (курсив наш. — А. П.)»²⁴. Не ясно, кто и когда занимался историографической работой, выискивая и препарировав идейных врагов? Ни в коем случае не умаляется / опровергается научный компонент трехтомного сборника, но идеологические заявления невозможно подтвердить эмпирически. Проблема в том, что дискурс подобного рода имеет конвенциональную природу, конечной целью ставя идеолого-прагматический семиозис. Процесс претендует на выработку единственно правильного взгляда с исключением конкурирующих языков описания.

Перечислим обыденные для 1953–1954 гг. идеологемы: «Великая дружба народов СССР и советский патриотизм имеют глубокие исторические корни»; «освободительной борьбе в известной мере благоприятствовала международная обстановка» (далее идет список европейских «волнений» середины XVII в.); «передовые общественные силы Западной Европы сочувствовали происходившей на Украине борьбе»; «дружба советских народов стала несокрушимой основой свободы и независимости украинского народа»; «под руководством Коммунистической партии» (страницы XXVII–XXVIII отведены презентистскому видению исторического процесса)²⁵.

Читающему прописаны все причины, побудившие Войско Запорожское восстать против польского владычества. Историки, развивая сценарий «настоящего — там, прошлого — сейчас», конструировали память через политические интересы в историографии (резюмируется соображение А. Ассман)²⁶. Историографическое обозрение в сборнике согласуется с высказыванием А. Вотина: «Обсуждение вопросов историографии — это прежде всего выяснение нашего отношения к наследству, доставшемуся нам от дворянской и буржуазной историографии»²⁷. Сборник в трех томах не оставался единственным аккумулятором накапливаемых знаний о Переяславской раде и начале войны 1654–1667 гг.

«Рог изобилия» в сборниках статей 1954 г.

Историко-генетический метод коллективных работ превалирует среди примененного инструментария. Социально-экономические мотивы освободительной войны подкрепляются политическими, и наоборот. Ожидать иного повествования, нежели то, какое есть у сборника документов, невозможно. Стереотипное введение исполняет роль шаблона в изданиях 1954 г. Профессиональные историки, получившие образование в сталинскую эпоху, издали брошюру, сборник статей, коллективный очерк в Москве и одну брошюру в Киеве. Скорость их выпуска увязывалась с майскими торжествами: три издания подписаны к печати в январе и апреле 1954 г., последнее — в ноябре того же года. Какую тактику избирали историки, выстраивая дискурсы о начале Тринадцатилетней войны? Или следует говорить о дискурсивном одноязычии, обусловленном господством идеологии?

Первой появилась коллективная брошюра И. Б. Грекова, В. Д. Королюка и И. С. Миллера, выпущенная под грифом Института славяноведения АН СССР. «Воссоединению» посвящалась глава IV. В ней одобрено стремление Б. Хмельницкого принять царское подданство, но выделяется именно классовая борьба украинских «низов», нацеленная на казацкую старшину и крепостное право²⁸. Решение гетмана хоть и не называлось «наименьшим злом», однако это усматривается по смыслу. Тринадцатилетняя война 1654–1667 гг. именуется авторами со стороны Московского государства «освободительной», что указано в тексте; тем временем действия войск Шведского королевства во время Шведского потопа 1655–1660 гг. выставлены «оккупацией» и «агрессией»²⁹.

Почему избрана такая лексика? Казалось бы, территориальные претензии имелись не только у Москвы, но и у Стокгольма. Интересы в Прибалтике (Курляндия и Ливония) и Королевской Пруссии со стороны Шведского королевства столь же обосновываемы, как и со стороны Московского государства, имеющего территориальные претензии на земли Речи Посполитой. Означать указанное наблюдение может только одно: сравнительный анализ, уравнивающий

военные притязания, несовместим с лексикой (и контекстом времени) критически одностороннего взгляда на устремления «иных» монархий.

В соответствии в этими тенденциями Б. Хмельницкий вносится в пантеон героев и предстает национальным лидером (идеологическая подоплека имела здесь свои интересы, не зависящие от исторического процесса)³⁰.

Под грифом Института истории АН СССР и Института славяноведения АН СССР вышел следующий сборник, в котором коллектив авторов затронул множество вопросов, связанных с Войском Запорожским и его соседями в ретроспективном измерении: во второй половине XVII — XVIII в. (статьи И. Д. Бойко, Л. С. Абецедарского и А. Н. Мальцева).

И. Бойко начинал свою статью с описания экономической обстановки среди «крестьянских» и «казацких» масс, применяя те документы, которые были опубликованы в рассмотренном за 1953 г. сборнике, а также в выпущенном на украинском языке «Україна перед визвольною війною 1648–1654 рр. Збірка документів (1639–1648 рр.)» (Київ, 1946)³¹. Война Войска Запорожского во главе с гетманом против Речи Посполитой определена автором как «борьба за освобождение своего народа от ига магнатско-шляхетской Польши, за воссоединение Украины с Россией», что сближает оценку историка с данными статей Л. Абецедарского и А. Мальцева³². Историки, вводя в оборот сходные единицы в языке описания, упорядочивают замкнутую семантическую зависимость в развитии идеолого-прагматического семиозиса.

И. Бойко не обошел стороной конечную мотивацию и причины для гетмана податься в царское подданство. Период от Белоцерковского мирного договора 18 (28) сентября 1651 г. до Переяславской рады 8 (18) января 1654 г. рассмотрен в совокупности внутренних проблем Войска Запорожского, внешней обстановки и социальных настроений³³. Осталось взглянуть на отображение Переяславской рады.

Сведения о ней взяты из сборника документов 1953 г. Ее иллюстрация напоминает скорее картину А. Кившенко, нежели М. Хмелько: «На площади собралось “великое множество всяких чинов людей”. Гетман произнес речь, которую присутствующие слушали с глубоким вниманием»³⁴. Итоги статьи подводятся посредством идеологом, заканчивающихся «победой Великой октябрьской социалистической революции»³⁵. Ориентируясь на схему, предложенную А. Ассман, комплекс идеологом помещаем в формате политической памяти через коллективную проработку³⁶. Укажем на одну из них: «Воссоединение Украины с Россией, *несмотря на то* (пресловутое “наименьшее зло”; выделено нами. — А. П.), что во главе России стояли тогда царь и помещики, имело огромное прогрессивное значение для дальнейшего политического, экономического и культурного развития украинского и русского народов»³⁷. Таким образом, Переяславская рада — событие, в котором этническое и религиозное неравенство русинского (оговоримся, что это — исторический этноним, не используемый в советской историографии) населения восточных воеводств Королевства

Польского, из-за которого Войско Запорожское входит в состав Московского государства, переводится в классовую плоскость.

В сборнике две статьи — Л. Абецдарского и А. Мальцева — близки по тематике исследования. Они рассматривают непосредственно Тринадцатилетнюю войну, немалый интерес проявлен к Великому княжеству Литовскому и его населению. Большая часть материала Л. Абецдарского рассматривает социально-экономическую ситуацию, приведшую к войне антишляхетского и религиозного содержания 1648–1653 гг. Военные действия изложены кратко, но информативно: с помощью опубликованных до революции документов («Актов Южной и Западной России», «Витебской старины», «Актов, издаваемых Виленской комиссией для разбора древних актов», сведений С. М. Соловьева). Л. Абецдарским дана картина поддержки населением русских войск; рассказано о полковнике К. Поклонском и его служении царю, а после — измене; провокациях шляхты против крестьян и городов, направленных на подрыв власти московской администрации³⁸. Социальное измерение показано не только через крестьянство, но и со стороны шляхты, хоть и не в позитивном ключе. Это — взгляд историка, пытающегося по возможности взглянуть на проблему с разных сторон.

А. Мальцев охватил в статье и историческую, и самостоятельную историографическую части. Отдельные предложения напоминают общие рассуждения о «буржуазных националистах»; С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, М. С. Грушевский, А. А. Савич (последний — историк, состоявшийся в советское время) критикуются за пробелы и допущенные ими ошибки³⁹. Тяжело не согласиться с мнением В. В. Тихонова: «Обязательной составляющей работы историографа была острая критика дворянской, буржуазной и прочей немарксистской исторической мысли»⁴⁰. Особенность критического взгляда в следующем: историк не замечал (не хотел или отрицал — совершенно иной вопрос; загадка присутствует во всех его трудах) уже достигнутого в историографической традиции.

Ход кампаний 1654–1655 гг. неоднократно описывался в солидном числе трудов имперской историографии, от В. Н. Берха (1831 г.) до шеститомного коллективного издания «Три века» (1912–1913 гг.). Мальцев же приводил сведения по «Актам Южной и Западной России», «Актам Московского государства» и документам ЦГАДА. Представляется, что так ученый замещал / компенсировал недостаток сведений, пренебрегая историографией в угоду архивному позитивизму. В таком свете статья выглядела новаторской. Некорректным окажется мнение о некомпетентности А. Мальцева в исторической части, ведь он детальнее предшественников выявляет локальные перемещения и количественный состав отдельных отрядов русских войск в кампаниях 1654–1655 гг.⁴¹

Особенностью движения авторской мысли Мальцева стало попеременное чередование событий на обоих театрах военных действий (Войска Запорожского и Великого княжества Литовского). Разумеется, до него в имперской историографии практиковалось то же самое, однако А. Мальцев стремился

сведения упорядочить. Начиная с «Очерков истории СССР. Т. 6» (1955 г.), А. Мальцев прочно занял одно из ведущих мест в исследованиях военной и социальной истории «эпохи феодализма» середины XVII в. Через год в государстве продолжатся серьезные изменения, которые приведут к трансформации внутривосточного и научного климата.

После сборника статей вышли коллективный очерк и брошюра. Обозреваются они в совокупности, так как историографическое накопление информации, наличие идеологем и семиозис идентичны.

Коллективный очерк издан в Москве, ответственным редактором выступил В. Королюк. Брошюра отпечатана в Киеве в Государственном издательстве политической литературы. Генеалогия борьбы построена от сложения Древнерусского государства до Ливонской войны Ивана IV в очерке и до 1648 г. в брошюре⁴². Набор социально-экономических причин, приведших к тяжелому положению русинского населения, ход и роль казацких восстаний в этнической истории схожи до такой степени, что, закрывая одну книгу, можно продолжение текста читать в другой. Издания, одинаково начиная, аналогично друг другу заканчивали текст достижениями народного хозяйства, социалистической промышленности и культуры УССР от революции 1917 до 1954 г.⁴³

Реально ли обнаружить новые факты в данных изданиях? Исключительно в том случае, если сборник документов или статей неизвестен читателю. Они ориентированы на широкую публику и малоинформативны в силу тиражирования одного идеолого-прагматического семиозиса. То есть, убрав выходные данные брошюр и очерка 1954 г., непросто определить авторство текста, по которому можно было бы узнать индивидуальный «почерк».

Выводы

Линейный ход исторического освобождения Войска Запорожского от власти Речи Посполитой, его переход в подданство Московского государства выглядел стройным и целостным нарративом. Семантически возможно отделение собственно научной информации от идеологических вкраплений. Тем не менее сама логика семиозиса ограничивала читателя в собственной интерпретации вопроса. Дополнительно семиозис имеет свойство историографического «беспамятства» (понятие не наше⁴⁴) в отношении предыдущей традиции исторического писания.

Проведенный анализ дал историографическое представление о «присоединении» Войска Запорожского к Московскому государству до 1940 г. и «воссоединении» в послевоенную сталинскую эпоху. Культурные и научные артефакты едины в своей цели — изобразить Переяславскую раду 1654 г. единственно правильным действием с логической, социально-экономической, политической и культурной точек зрения.

Торжественное празднование 300-летия Переяславской рады предстало апофеозом единства прошлого и настоящего. Генеалогия события была использована политической реальностью, сделавшей ее неотъемлемым идеологическим элементом, с помощью которого советские граждане — какой бы национальности они ни были и где бы ни проживали — понимали важность Рады и роли гетмана Б. Хмельницкого. А. Ассман приводит три ключевых вопроса Р. Козеллека: «О ком следует помнить? Что следует помнить? Как следует помнить?» добавляя от себя четвертый: «Кто помнит?» (курсив А. Ассман. — А. П.)⁴⁵. Ответим на них, но с точки зрения историографической реальности понимаемого прошлого. Герменевтический круг «знаковая система прошлого — формирование структурного ядра артефактов прошлого — интерпретация прошлого — культурные и научные артефакты настоящего — социальное понимание настоящего через прошлое» замыкается.

Во-первых, помнить необходимо исторический опыт единства русских и украинцев, невзирая на непростую историю взаимоотношений в Российской империи и турбулентности времен Гражданской войны. Во-вторых, важно помнить, что выбор исторического единства русских и украинцев обусловлен наличием «внешних врагов» и опытом совместной борьбы против польского господства в русско-польской войне 1654–1667 гг. В-третьих, произведения искусства, литературы, театра и кино, научные труды способны донести до советских граждан смысл и значение исторического единства русских и украинцев. Сила визуальной эстетики не меньше, чем логичность научного издания, дает понимание, каким должно быть прошлое. В-четвертых, «вспоминают» все: художники, писатели, историки, политические деятели. Их внутренний взор может несущественно варьироваться, а методология взгляда останется монолитной.

Мнение из XXI в. неизбежно несет с собой культурный код эпохи, включающий политические, исторические, философские, культурные предпочтения et cetera. Множество интерпретаций предполагает право Другого на существование и неотвратимый конфликт, когда они сталкиваются. Семиосфера советской историографии Тринадцатилетней войны 1654–1667 гг. и дискурс визуально выражаются метафорой Вавилонской башни, разрушенной сугубо политизированным языком описания.

¹ Лочмель И. Ф. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов. М., 1940. С. 59–60; Пичета В. И. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1940. С. 49–50.

² Воссоединение // Толковый словарь русского языка / Глав. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков. Т. 1. М., 1935. С. 375.

³ Присоединение // Толковый словарь русского языка. Т. 3. М., 1939. С. 851.

- 0%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B5%D0%B9-%D0%BC%D0%B0%D0%B9-1954-%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0 (дата обращения: 17.11.2021).
- ²¹ *Махнырев А. Л.* «Навеки вместе Киев с Москвою...» Памятники празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией в собрании Исторического музея. URL: <https://blog.mediashm.ru/?p=6404> (ч. 1). И. Каиров «целился» совсем не в «присоединение», а политическую конъюнктуру.
- ²² Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: в 3 т. Т. I. 1620–1647 гг. М., 1953. С. XXXII. Актовые материалы 1651–1654 гг. и о Переяславской раде расположены в т. III.
- ²³ Там же. С. XXVIII.
- ²⁴ Воссоединение Украины с Россией. Документы... С. VI. Схожие предложения обнаруживаются в коллективных работах 1954 г. Например: *Бойко И., Голобуцкий В., Гуслистый К.* Воссоединение Украины с Россией / Отв. ред. В. Королюк. М., 1954. С. 6–7; *Дядиченко В., Стецюк Е.* Борьба украинского народа за воссоединение с Россией. Киев, 1954. С. 56.
- ²⁵ Воссоединение Украины с Россией. С. V, XV, XXVII–XXVIII.
- ²⁶ *Асман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2014. С. 43.
- ²⁷ Цитата приведена по: *Тихонов В. В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). М.; СПб., 2016. С. 338.
- ²⁸ *Греков И., Королюк В., Миллер И.* Воссоединение Украины с Россией в 1654 г. М., 1954. С. 86–88.
- ²⁹ Там же. С. 89.
- ³⁰ Там же. С. 90–91.
- ³¹ *Бойко И. Д.* Освободительная война украинского народа 1648–1654 гг. и воссоединение с Россией // Воссоединение Украины с Россией: Сборник статей. М., 1954. С. 105–107.
- ³² Там же. С. 124; *Абещадарский Л. С.* Борьба белорусского народа за воссоединение Белоруссии с Россией в середине XVII века // Воссоединение Украины с Россией: Сборник статей. М., 1954. С. 180; *Мальцев А. Н.* Боевое содружество русского, украинского и белорусского народов в борьбе за освобождение Украины и Белоруссии (1654–1655 гг.) // Воссоединение Украины с Россией: Сборник статей. М., 1954. С. 264.
- ³³ *Бойко И. Д.* Освободительная война украинского народа 1648–1654 гг. и воссоединение с Россией. С. 131–140.
- ³⁴ Там же. С. 141.
- ³⁵ *Греков И., Королюк В., Миллер И.* Воссоединение Украины с Россией в 1654 г. С. 100; *Бойко И. Д.* Освободительная война украинского народа 1648–1654 гг. и воссоединение с Россией. С. 144; и далее.
- ³⁶ *Асман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. С. 34.
- ³⁷ *Бойко И. Д.* Освободительная война украинского народа 1648–1654 гг. и воссоединение с Россией. С. 143.
- ³⁸ *Абещадарский Л. С.* Борьба белорусского народа за воссоединение Белоруссии с Россией в середине XVII века. С. 217–221. На 300-летие Рады историк также издал брошюру по своей диссертации 1950 г.: *Абэцэдарскі Л. С.* Барацьба ўкраінскага і беларускага народаў за ўз’яднанне з Расіяй у сярэдзіне XVII века. Мінск, 1954.
- ³⁹ *Мальцев А. Н.* Боевое содружество русского, украинского и белорусского народов в борьбе за освобождение Украины и Белоруссии (1654–1655 гг.). С. 264–265. Статья А. Мальцева во многом сходна с другой за 1954 г. См.: *Мальцев А. Н.* Военные действия русских войск в Белоруссии и Литве летом 1655 г. // Краткие сообщения Института славяноведения. № 13. Из истории освободительной борьбы украинского народа. М., 1954. С. 51–62.
- ⁴⁰ *Тихонов В. В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). С. 329.

- ⁴¹ Мальцев А. Н. Боевое содружество русского, украинского и белорусского народов в борьбе за освобождение Украины и Белоруссии (1654–1655 гг.). С. 272–274.
- ⁴² Бойко И., Голобуцкий В., Гуслистый К. Воссоединение Украины с Россией. С. 5–12; Дядиченко В., Стецюк Е. Борьба украинского народа за воссоединение с Россией. С. 5–13.
- ⁴³ Бойко И., Голобуцкий В., Гуслистый К. Воссоединение Украины с Россией. С. 97–111; Дядиченко В., Стецюк Е. Борьба украинского народа за воссоединение с Россией. С. 59–69.
- ⁴⁴ «Беспамятство» использовано автором статьи в том смысле, в каком П. Хаттон рассматривает свойства «традиции» у М. Хальбвакса, — «время традиции — это время беспамьятства»: Хаттон П. Х. История как искусство памяти / Пер. с англ. Ю. В. Быстрова. СПб., 2004. С. 309–313.
- ⁴⁵ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. С. 64–65.

REFERENCES

ABETSEDARSKY L. S. *Bor'ba belorusskogo naroda za vossoyedeneniye s Rossiey v seredine XVII veka* [The Struggle of the Belarusian People for the Reunification of Belarus with Russia in the Middle of the 17th century. In Russ.] // *Vossoyedeneniye Ukrainy s Rossiey. Sbornik statey. Moscow, 1954. S. 178–220.*

BOYKO I., GOLOBUTSKY V., GUSLISTY K. *Vossoyedeneniye Ukrainy s Rossiey* [Reunification of Ukraine with Russia. In Russ.] / *Otv. red. V. Korolyuk. Moscow, 1954.*

BOYKO I. D. *Osvoboditel'naya voyna ukrainskogo naroda v 1648–1654 gg. i vossoyedeneniye s Rossiey* [The liberation War of the Ukrainian People in 1648–1654 and Reunification with Russia. In Russ.] // *Vossoyedeneniye Ukrainy s Rossiey. Sbornik statey. Moscow, 1954. S. 105–144.*

DYADICHENKO V., STETSYUK E. *Bor'ba ukrainskogo naroda za vossoyedeneniye s Rossiey* [The Struggle of the Ukrainian People for Reunification with Russia. In Russ.]. Kiev, 1954.

GREKOV I., KOROLYUK V., MILLER I. *Vossoyedeneniye Ukrainy s Rossiey* [Reunification of Ukraine with Russia. In Russ.]. Moscow, 1954.

MALTSEV A. N. *Boyevoye sodruzhestvo russkogo, ukrainskogo i belorusskogo narodov v bor'be za osvobodzheniye Ukrainy i Belorussii (1654–1655 gg.)* [Combat Commonwealth of the Russian, Ukrainian and Belarusian Peoples in the Struggle for the Liberation of Ukraine and Belarus (1654–1655). In Russ.] // *Vossoyedeneniye Ukrainy s Rossiey. Sbornik statey. Moscow, 1954. S. 264–306.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. И. Прокофьев. Празднование 300-летия Переяславской рады в 1954 г.: дискурсы исторической памяти о начале Тринадцатилетней войны 1654–1667 гг. // Петербургский исторический журнал. 2022. № 2. С. 34–47

Аннотация: В 1954 г. СССР отмечал 300-летие Переяславской рады по случаю оглашенного подданства Войска Запорожского Московскому государству. Юбилею придавалось огромное значение не только в художественной, но и научной жизни советского общества. Кино, живопись, литература, история, педагогика, — казалось, все должно послужить делу объединения русского и украинского народов. Существовала ли до 1954 г. в советском историческом языке концепция «воссоединения Украины с Россией» или на глазах происходило зарождение новой традиции? Какие дискурсы излагали советские историки, говоря о Раде и начале войны между Московским государством и Речью Посполитой в 1654–1667 гг.? В рассмотрении языка описания исторического процесса в научном и художественном пространстве состоит цель данного исследования.

Ключевые слова: Тринадцатилетняя война, Переяславская рада, идеологизация истории, дискурс, семиозис.

FOR CITATION

A. I. Prokofiev. Celebration of the 300th Anniversary of the Pereyaslav Rada in 1954: Discourses of historical memory about the beginning of the Thirteen Years War 1654–1667 // Petersburg historical journal, no. 2, 2022, pp. 34–47

Abstract: In 1954, the USSR celebrated the 300th anniversary of the Pereyaslav Rada on the occasion of the declared allegiance of the Zaporozhian Army to the Moscow state. The anniversary was given great importance not only in the artistical, but also in the scientific life of Soviet society. Cinema, painting, literature, history, pedagogy – everything seemed to serve the cause of uniting the Russian and Ukrainian peoples. Did the concept of “reunification of Ukraine with Russia” exist before 1954 in the Soviet historical language, or was a new tradition emerging before our eyes? Which discourses did Soviet historians present when speaking about the Rada and the beginning of the war between the Moscow state and the Commonwealth in 1654–1667? The purpose of this study is to consider the language of describing the historical process in the scientific and artistical space.

Key words: Thirteen Years War, Pereyaslav Rada, ideologization of history, discourse, semiosis.

Автор: Прокофьев, Александр Игоревич — аспирант Центра социальной истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург).

Author: Prokofiev, Alexander — Post-graduate Student of the Centre for Social History of the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg).

E-mail: al_prokofjew@mail.ru